

© 1993 г.

Э.В. КЛОПОВ

СИЛА И СЛАБОСТИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ (взгляд через призму самоанализа его участников)

О характере и сущности демократического движения

Работа с группой активистов «Демократической России» (далее — ДР), проводившаяся с декабря 1991 по март 1992 г. в соответствии с методикой «социологической интервенции», существенно обогатила наши представления о характере демократического движения, его основной направленности, его роли в крушении устоев тоталитаризма и осуществлении последующих преобразований в российском обществе, наконец (но не в последнем счете!), о его силе и слабостях. Полученные материалы позволяют внести серьезные уточнения в трактовку этого движения, свидетельствуют, что его следует рассматривать не только как общественно-политическое (направленное на перемены в политическом устройстве общества и/или на вытеснение прежней правящей элиты из сферы управления), но прежде всего как социальное и моральное (имеющее целью осуществление коренного преобразования всей общественной системы и столь же радикальное обновление моральных устоев общества).

Преобладающий до сих пор подход к демократическому движению как политическому по преимуществу ориентирует внимание аналитиков и публицистов в первую очередь на проблемы участия движения и сформированных на его базе организационно-политических структур в государственно-политическом «обустройстве» российского общества, в организации новой системы управления общественными делами и, конечно же, на то, что происходит в политизированных «верхах» движения. Соответственно авторы статей, посвященных прошлому, настоящему и будущему демократического движения, чаще пишут о его неудачах и слабостях, ошибках и просчетах его лидеров, чем о его мощном социальном и моральном потенциале, о его возможностях влиять на общий характер преобразований, осуществляемых в посттоталитарной России. Характерна в этом смысле статья Г.Х. Попова, посвященная годовщине августовских событий 1991 г. По его мнению, движение не смогло многого сделать для быстрого и основательного переустройства России на демократических началах

из-за того, якобы, что его социальная база «была очень разнородной и противоречивой» («От творческой интеллигенции до сотрудников оборонных КБ. От руководителей до пенсионеров»), и к тому же эта масса людей была объединена «только одним — неприятием обанкротившегося режима КПСС» [1].

Но это было бы источником слабости демократического движения лишь в том случае, если бы оно было политическим по преимуществу. На самом же деле то обстоятельство, что оно объединило «разнородную и противоречивую» массу населения, что этих людей сплачивала и побуждала к действию «только» одна идея — ненависть к тоталитарному режиму, — определяло силу движения. Именно его многочисленность и приверженность миллионов включившихся в него людей одной, но глобальной идее обеспечили кумулятивный характер деятельности этой массы. Это и позволило движению столь успешно сыграть роль одного из главных рычагов, с помощью которых удалось опрокинуть строй государственного социализма.

Конечно, демократическое движение с самого начала испытывало потребность в самоорганизации и самовыражении, и это способствовало формированию в его недрах таких организационных структур и выдвижению таких лидеров, которые, действуя специфически политическими методами (организация предвыборных кампаний, проведение митингов и манифестаций, издание разного рода агитационных материалов и т.д.), сплачивали многомиллионную массу участников движения, объединяли их вокруг общих лозунгов, направляли их ненависть к КПСС и установленному ею тоталитарному режиму в русло совместных целенаправленных действий. Это, безусловно, придавало всему движению оттенок политический. И все же есть основания утверждать, что политическая составляющая демократического движения была — и, может быть, остается — вторичной по отношению к его «сверхзадаче», определяющей приоритет целей и задач социального переустройства общества. Поэтому развитие демократического движения, его успехи и неудачи определялись в первую очередь готовностью его массовой базы к участию в тех или иных акциях и в меньшей степени — деятельностью его политизированных «верхов».

Особенно отчетливо эта специфика демократического движения проявилась в деятельности ДР, которая была не просто самой массовой и влиятельной организацией, созданной движением, но в определенном смысле олицетворяла его. И не случайно ДР оказалась достаточно мощной, чтобы серьезно влиять на ход и исход борьбы против монополюльно-диктаторской власти КПСС, сыграть исключительно важную роль в расчистке социальной почвы от основных препятствий на пути демократизации российского общества, но ей же не хватило и по-прежнему не достает сил для решения менее масштабных, но иных, собственно политических задач формирования новых властных структур управления страной и т.п. Эффект кумулятивности в этом случае не только не помогает, а, скорее всего, даже мешает.

Характерно, что возникшие в конце 80-х и начале 90-х годов политические партии демократической ориентации не смогли вовлечь в свои ряды сколько-нибудь значительное число участников и сторонников демократического движения. Вероятно, потому что большинство из них по-прежнему настроено, скорее, на решение общесоциальной «сверхзадачи», чем на конкретную политическую деятельность. По-видимому, та же причина обусловила неудачу попыток некоторых лидеров ДР «партизировать» ее, элиминировать ее движеческий характер и усилить в ее деятельности и организации элементы, свойственные образованиям партийного типа.

К такого рода выводам о характере деятельности и развития демократического движения можно прийти уже из наблюдений «извне» этого движения. Однако из тех же фактов, полученных из традиционных источников информации, нередко делаются и иные выводы, в том числе об изначально политическом

характере движения и отсюда — о его исторической несостоятельности, поскольку оно не сумело реально повлиять на процесс демократического «обустройства» России. Тем большую ценность приобретает взгляд «изнутри» — в форме самоанализа участников демократического движения, — который позволяет получить более обоснованные представления о его сущности, потенциале и перспективах, точнее ответить на вопросы, волнующие как самих участников движения, так и всех тех, кто заинтересован в необратимости начавшихся демократических преобразований.

Среди этих вопросов, с одной стороны, такие: а не изжило ли себя демократическое движение объективно — в принципиально новой «послеавгустовской» ситуации? Не уходит ли оно в прошлое вместе с его антиподом — государственно-социалистическим тоталитаризмом? И поэтому — не пришло ли время ему трансформироваться в партию? А с другой стороны: каково ныне «самочувствие» движения? Сохраняется ли его «мобилизационная готовность» к организации массовых выступлений в защиту демократии? Не снижается ли его потенциал из-за трений и противоречий в политизированных «верхних» структурах движения? Попробуем выяснить, в какой мере ответы на эти вопросы содержатся в материалах тех групповых дискуссий, которые проводились в соответствии с методикой «социологической интервенции».

Группа о характере движения, источниках его силы

Практически все участники дискуссий утверждали, что движение возникло, набирало силу, развивалось прежде всего и почти исключительно во имя отстранения КПСС от власти и перехода на этой основе к другому состоянию общества. Противодействовать государственно-политическому монополизму КПСС — «именно эта цель привлекла тысячи людей» в демократическое движение (Лидия А.). Эта идея высказывалась много раз в разных контекстах.

Участники дискуссий и себя причисляют к тем, кто был воодушевлен этой идеей: «Я подала в это движение потому, что не могу жить так, как мы жили всю жизнь» (Марианна С.). «Я ... ввязался в это дело, чтобы моя дочь и мой внук жили нормально» (Юрий Р.). Ими владела «одна, но пламенная страсть» — та же, что и миллионами «участников» и «сторонников» (по классификации Евгения Ж.) демократического движения. Все они ощутили настоятельную, жгучую потребность радикально изменить условия своей жизни, самый характер общества, избавиться от политико-идеологического диктата КПСС, от безнравственного и безответственного аппарата власти и управления страной. Именно это органическое и искреннее единство тысяч активистов и многомиллионной «базы» движения позволило сконцентрировать его энергию, направить ее на достижение главной цели — уничтожение тоталитарного режима.

Важным свидетельством поглощенности этой идеей тех, кто действительно были и остаются активно действующими «актерами» на арене борьбы за демократическое преобразование нашей страны, является отчетливо выявившееся в ходе дискуссий нежелание считать свою деятельность политической и вообще заниматься политикой, стремление отстраниться (даже «откреститься») от политики. Как заметила на одной из встреч Лидия А., «многие из нас не очень бы хотели, чтобы все поголовно занимались исключительно политикой. Но волею судеб мы живем в обществе, которое вынудило нас заняться политикой»; во всяком случае про себя она недвусмысленно сказала, что политикой «вынуждена заниматься». Ей вторит Николай Ж.; по его мнению «рядовому человеку, самому массовому обывателю ни к чему интересоваться политикой», но «мы... вынуждены ... в буквальном смысле слова вынуждены заниматься в какой-то степени политикой». Эмоционально обостренно сформулировал свое отношение к этой проблеме Юрий Р.: «обычный, нормальный человек не хочет бегать по улицам с каким-то флагом и орать, он хочет спокойно жить и рабо-

тать»; сам он потому и «пошел в политику», что хочет добиться нормальной жизни, нормального состояния общества, в котором политика должна, по его мнению, отойти на второй план.

Конечно, не все так отчетливо и ожесточенно отрицали необходимость политической деятельности. Некоторые из участников дискуссий напоминали, что «общества нет без политики» (Нодарий Х.), что демократия «невозможна без политической активности населения» (Валентина К.). Но в целом преобладало мнение, сформулированное наиболее четко Евгением Ж.: политикой «мы занимаемся нерационально с точки зрения общества, так как ... непрофессионально». Ему вторит Татьяна Б.: «политиком меня нельзя назвать», «мы учимся политике» — в том смысле, что «мы учимся быть гражданами».

И тут дело не только в непрофессионализме или в том, что политическая деятельность тяготила их сама по себе. Огромное значение для наших дискуссионтов имел нравственный аспект этой проблемы. Тон в его обсуждении задал Юрий Р. уже на первой встрече («чем меньше политики, тем чище отношения»), а затем речь об этом шла с большей или меньшей интенсивностью на протяжении всех 19 встреч.

Позиции выявились весьма различные. Характерны, например, зафиксированные в одном из протоколов следующие обмены репликами: Валентина К. — «Мне кажется, что в политике целесообразность важнее, чем нравственность...»; Юрий Р. — «Поэтому она грязное дело»; Валентина К. — «... нет. Просто она безотносительна к нравственности». И некоторое время спустя: Евгений Ж. — в политике «нет абсолютно нравственного решения...»; Юрий Р. — «Поэтому мы и говорим, что политика — грязное дело».

Снова и снова выступали оппоненты Юрия Р. Нодарий Х. — «Почему политика — грязное дело? Эта крылатая фраза — ... вредна сама по себе.» Михаил К. — «Я всегда протестовал и сейчас не согласен, что политика — это грязное дело». Но независимо от расклада голосов было очевидно, что проблема эта, так сказать, занозой сидит в головах участников дискуссий. «Проблема нравственности в политике меня занимает очень много», — говорит Лидия А. Другой ее аспект упоминает Евгений Ж.: важно, «насколько нравственно политика выглядит в глазах населения».

И такая «зацикленность» на проблеме нравственности в политике весьма симптоматична. Ведь, в сущности, людей, активно включившихся в борьбу против тоталитарной системы, побуждала к противодействию этой системе не только антидемократичность, но и ее безнравственность, питавшая антидемократизм и питавшаяся от него. Жертвами безнравственности этой системы было абсолютное большинство граждан нашей страны, и потому для активистов ДР эта тема была далеко не отвлеченной, не абстрактно-академической. Идея нравственного очищения общества, его духовного возрождения составляла одно из слагаемых той суммы идей, которую с известной натяжкой можно было бы посчитать программой демократического движения.

Характерно, что программы в общепринятом смысле у ДР, а значит и у всего демократического движения, не было и нет. Однако это вовсе не результат, так сказать, своего рода недоработок, не свидетельство слабости движения, его неготовности решать стоявшие перед ним задачи. Наоборот, отсутствие четкой, проработанной программы было одним из объективных условий объединения в составе движения разнородной многомиллионной массы противников КПСС и созданного ею тоталитарного общества. Чтобы их объединить, нужны были именно символы, идеи, легко трансформируемые в лозунги и потому легко усваиваемые участниками демократического движения. И естественно, что центральное место в такой квази-программе занимали лозунги отрицания, идеи разрушения — ликвидации монополии КПСС, разрушения тоталитарного режима. Такие лозунги и идеи играли главную роль в мобилизации народных

масс на борьбу против тогда еще могущественной командно-административной системы. Несколько гипертрофируя такое положение, один из участников наших дискуссий даже заявил, что «противодействие — это черта, присущая движению, Именно не конструктив, не строительство чего-то, а противодействие» (Нодарий Х.).

Конечно, активисты ДР хорошо понимают необходимость и даже обязательность формулирования позитивных программ. Например, на встрече с представительницей экологического движения ей был высказан упрек в том, что «это движение против», что от нее участники дискуссии не услышали «ни одной положительной цели», без чего трудно представить себе, что это — «движение за что-то». Но этот упрек вполне можно было бы вернуть обратно — самим активистам ДР, потому что в этом движении есть достаточно ясное представление, чего нужно добиваться: «идеалы движения», говорил Евгений Ж., — это «права человека, гражданское общество, правовое государство и рыночная экономика», — но мало ясности, как именно реализовать эти идеалы.

Вместе с тем вполне возможно, что формулирование программы в самом общем виде, в форме символов или лозунгов, более подходит в тех случаях, когда речь идет о действительно массовых и потому, как правило, разнородных по своему составу движениях. Кажется, лучше других это выразила Татьяна Б., которая в ответ на предположение, что ДР следовало бы уточнить программу перехода к рыночной экономике, акцентируя внимание на необходимости осуществления финансовой стабилизации, возразила: «Сам термин "финансовая стабилизация" — что это такое? А сказать "рынок" — это понятно ... внутри люди ... как-то готовы к рынку».

Да и в рассуждениях других участников дискуссий (особенно тех, кто не включился в процесс создания новых политических партий) явно просматривается стремление не конкретизировать позитивную программу движения. Они горячо утверждали, что такая программа есть, но не могли сколько-нибудь обстоятельно обосновать ни ее конкретные положения, ни пути и способы ее реализации. Вполне определенно об этом говорил Юрий Б: «Я знаю, что хочу жить хорошо... знаю, что для этого нужны определенные демократические перемены, а нюансы и детали ... это удел специалистов».

Но вместе с тем важной причиной невнимания активистов демократического движения к конкретным формам, приемам, путям реализации программы демократизации страны служит также понимание или же интуитивное ощущение того, что это движение — такое, каким оно сложилось, — не может ни усвоить, ни вообще воспринять каких-либо конкретных программ. Но оно вполне может воспринять как руководство к действию программные символы-лозунги — конечно, в том случае, если они корреспондируют с настроениями объединившихся в движение миллионов. Это утверждение в полной мере относится «доавгустовскому» периоду движения за уничтожение тоталитаризма. Но оно вполне соответствует и состоянию движения после августовских событий 1991 г. — постольку, поскольку сохранилась объективная потребность в мощной, массовой поддержке процесса демократизации. Речь идет о миллионах людей, согласных между собой только в одном — в недопустимости возврата к старым порядкам, — и поэтому объединить их могут не детально разработанные программы политических партий, но точно сформулированные программные лозунги и символы.

Нечеткость не только программных, но и организационных контуров характерна не только для всего демократического движения в целом, но и для ДР, которая, в общем, сохранила свой изначально движенческий характер. В свое время, это обусловило приток в ее состав многих тысяч демократически настроенных людей, не готовых или не желающих вступать в объединения партийного типа, но готовых и желающих бороться против тоталитаризма

и попыток его возрождения. Ее гибкая структура, отметил Евгений Ж., давала «возможность совместить массовость с нашим, в общем-то, еще не сформированным сознанием»; поэтому 80% людей, участвующих в ДР, «не желают причислять себя к какой-то одной партии». Этот обобщенный взгляд весьма дополняет своим личным отношением к этой проблеме Юрий Р.: «Я ... вижу в движении отличие в том, что я не связан ни уставом, ни программой, ни какими-то жесткими структурами... Я не собираюсь попадать в прокрустово ложе или подчиняться жестким направлениям».

Оригинальное понимание различий между движением и партиями сформулировал Нодарий Х.: «партия — это механизм, который работает, а движение — это совесть, которая, наверное, не должна что-то делать, она должна предупреждать человека о том, чего делать не нужно». Можно соглашаться или нет с таким определением (кстати, оно не привлекло внимания участников дискуссии), но очевидно, что именно это свойство — апеллировать к совести, к эмоциям людей — обусловило особое место ДР в демократическом движении, ее слитность с массами его участников и сторонников, в конечном счете, ее влияние на них. Благодаря тому, что ДР — «не монстр монолитный, а такая аморфная», она «пронизывает наше общество сверху донизу», она, по мнению Лидии А., является своего рода «связующей средой обитания людей, которые осознали то, что так, как жили раньше, нельзя». ДР существует в таком виде «только потому, что ... в наших условиях другой быть не могло» (Александр К.).

Такое органическое единство, слитность ДР со своей массой сторонников и участников демократического движения, дополненное энтузиазмом ее активистов, их убежденностью в необходимости наращивать борьбу против КПСС и всех проявлений антидемократизма, способствовали успехам движения — сначала на выборах народных депутатов во многих регионах страны весной 1990 г., затем на референдуме о суверенитете России и выборах первого ее президента летом 1991 г., наконец, во время августовских событий 1991 г. Эти успехи еще больше сплачивали участников демократического движения, множили их силы. На митингах и демонстрациях люди видели «своих единомышленников», сознавали, «что их сотни тысяч». Налаживались и крепились живые связи, поэтому в Москве утром 19 августа 1991 г. «все знали, что произошло, куда пойти», знали, «что они там будут не одни, как в 1968 г.», — говорила на одном из заседаний Марианна С. и добавила: вообще ДР «дает возможность людям выразить себя ... всем вместе участвовать в конкретных действиях». Ей вторит Лидия А.: «Произошел процесс осмысления действительности, процесс единения людей ... они знают, что все вместе они — сила. Из людей ушел страх».

Все сказанное безусловно относится к периоду до августовских событий 1991 г. — времени подъема демократического движения, демонстрации его силы и возможностей. По иному стала складываться ситуация в России после августовской победы над силами реакции. Иными стали условия развития демократического движения. Новые задачи приходилось решать и ДР.

Кризисное развитие демократического движения после августа 1991 г., ослабление сил, обнажение слабостей

Состояние и «самочувствие» демократического движения после августа 1991 г., и, соответственно, перспективы его развития определялись тем, с одной стороны, что было нанесено решительное поражение сторонникам возрождения тоталитаризма. В ходе наших дискуссий неоднократно говорилось о том, что демократическая революция победила, что «народ и партии уже не прежние», что «сознание народов пробудилось» и т.д.

С другой стороны, — и это отчетливо осознается активистами ДР, — сама по себе августовская победа не обеспечила необходимой глубины демократических преобразований. Высказываются мнения, что «демократические изменения еще и не начались», что практически все управление, особенно на региональном уровне «находится в руках старого партийного аппарата», который саботирует «любую реформаторскую деятельность правительства», что «реальные шаги» к реформам «тормозятся» и т.д. Трудности преобразований усугубляются тем, что произошел резкий «обвал экономики». Все это усиливает опасность социального взрыва. На заседаниях говорилось о том, что может оказаться истощенным «социальное терпение», что усиливается «социальная апатия», а это — «вестник социального взрыва»; о «предгрозовой апатии», о признаках «социальной депрессии» и т.д. Из-за этого возрастает опасность «остановки реформ».

Каковы же в такой ситуации роль и место демократического движения? А этот вопрос неизбежно провоцирует еще один: что из себя представляет ДР после августа 1991 г., какие в ней произошли и происходят изменения, готова ли она к столь же эффективной деятельности, что и до августовских событий?

Всем участникам дискуссий было ясно, что и в новой, изменившейся обстановке «"Демократической России" нужно действовать». И вместе с тем они дружно утверждали, что ее деятельность «должна строиться на совершенно иной политике», чем прежде. Но какой должна быть эта «совершенно иная политика» в условиях, когда исчез «привычный» оппонент — КПСС? Казалось бы, вместе с режимом монополярной власти КПСС утратили былое значение приносившие успех способы и формы борьбы с ним — митинги, манифестации, пикетирование и др. Тем не менее, некоторые активисты ДР не считали возможным отказываться от этих форм борьбы за углубление демократических процессов. Тем более, что с начала 1992 г. стали активизироваться силы сторонников возврата к доперестроечным порядкам, взявшие на вооружение те же формы противостояния новым властям — митинги и манифестации. Как говорила на одном из обсуждений Лидия А., проблема «красно-коричневой» опасности для ДР «стала актуальной». А Евгений Ж. добавлял к этому, что ДР «вынуждена ... будет ... повышать жесткость противостояния, чтобы не потерять своего положения, вернее ... положения идеалов конституционного строя в общественном мнении».

Однако не все участники дискуссий разделяли эту точку зрения. Михаил К. спрашивал: «Почему нужно обязательно противодействовать ... не позволять чьим-то взглядам проявляться — это необольшевизм по самой сути». Юрий Р. также говорил про антикоммунистические митинги — «вообще зачем это нужно? Это ... из серии неудачного продолжения удачного начала». Они и их сторонники видели в противостоянии митингов и манифестаций, даже разведенных во времени и по месту проведения, опасность для утверждения демократических начал в общественной жизни.

Но если в связи с предложениями организовать контрмитинги, осуществить «мобилизацию "Демократической России" как всего движения» выявились серьезные разногласия, то в вопросе об общей направленности деятельности ДР было больше согласия. Это, по мнению Евгения Ж., в первую очередь должна быть «борьба за стабилизацию политической ситуации», или, как сказала Марианна С, «стабилизация психологической обстановки». По ее мнению, «это то реальное, что мы можем сделать как народное движение».

Но как участвовать в стабилизации обстановки? По мнению Евгения Ж., не оспоренному никем из участников дискуссии, единственным гарантом политической стабилизации, так же, как и проведения реформ, является государство, и поэтому «мы вынуждены защищать сейчас государство»; поэтому нужно помогать правительству «в тех решениях, которые совпадают с нашим видением реформ», осуществлять «взаимодействие с властью с плане прове-

дения реформ». Раз правительство выбрано, говорил и Юрий Р., «дайте ему сделать шаг... Пусть они хоть шаг сделают, что же они топчутся на месте». Правда, и в этом вопросе проявилась характерная черта демократического движения и деятельности ДР в том числе.

Если общая постановка проблемы не вызвала сомнения, то арсенал конкретных идей взаимодействия с правительством Ельцина, поддержки курса на осуществление реформ оказался не слишком разнообразным. Фактически актив ДР и на послевгустовском этапе ее деятельности исходит из того, что демократическое движение может оказать поддержку не конкретному политическому решению и действию, но общему направлению развития, упрочению демократии «вообще».

Конечно, после августа 1991 г., по-видимому, снизился уровень «мобилизационной готовности» участников и сторонников демократических преобразований выступать под самыми общими лозунгами-символами, доверяя «нюансы и детали» (по выражению Юрия Р., приведенному выше) специалистам — политикам, экономистам, дипломатам и др. И все же, если судить по настроению («самочувствию») активистов ДР, вовлеченных в наши дискуссии, потенциал такой готовности все еще достаточно высок: по их мнению, он скажется, когда и если наступит в общественном развитии «критический момент», «подходящий момент» (по выражению Лидии А.).

Тем более важно понять — каковы условия общей поддержки правительства и государства (фактически — президента Ельцина), которую были готовы в 1992 г. оказывать активисты ДР, мобилизуя для этого более или менее широкие слои сторонников и участников демократического движения? Что для них было первичным — неуклонное развитие демократии вширь и вглубь (так сказать, несмотря ни на что)? Или же закрепление завоеванных позиций, достигнутых результатов в качестве основы, базы осуществления затем более глубокой демократизации? Об этом можно судить на основании дискуссий по проблемам авторитаризма, которые с той или иной интенсивностью продолжались во время работы с группой.

Уже на первом заседании группы было сказано, что в переходный период «демократия уязвима» и потому должны быть приняты «меры временного характера» (Владимир Ф.). А вскоре он уточнил, что понимает под такими мерами: «без авторитарных методов, без сильной руки не обойтись». И сторонников такой точки зрения оказалась много: говорили: что авторитарная власть «неизбежна» и потому ее «нам придется поддержать» (Евгений Ж.); что «нам без авторитарной власти не обойтись» (Марианна С), что установление авторитаризма «не так опасно для тех демократических процессов, которые происходят в обществе» (Лидия А.) и т.д. Ничего парадоксального не видел Евгений Ж., в том, что «демократию устанавливают авторитарными методами», и чтобы подкрепить эту мысль, он рискнул на опасное утверждение, что Пиночет — это «лучший демократ мира». Некоторые пытались смягчить такой подход, высказывая предположение, что авторитаризм нам «нужен... точный» (Нодарий Х.), что авторитарную власть нужно установить «на конкретный срок» (Марианна С).

Были и возражения. Всякое насилие, напомнил своим коллегам Михаил К., «порождает внутренний кризис». А Владимир Ф., открывший эту дискуссию, позднее также признал, что, может быть, авторитарный путь быстрее приведет «к нормальному рынку», «но быстрота здесь не самое лучшее». Однако такого рода доводы (да и внутренние сомнения тоже) заставили лишь уточнить подходы к проблеме. Стали высказываться мнения, что речь должна идти не об авторитаризме, а об усилении исполнительной власти: «элементы сильной исполнительной власти должны быть» (Владимир Л.); переход из тоталитарного общества в демократическое «невозможно осуществить без усиления исполни-

тельной власти» (Николай Ж.). При этом было замечено, что «авторитаризм и усиление исполнительной власти не одно и то же» (Владимир Л.); что «хотя мы все говорили об авторитаризме, но на самом деле имели в виду недостаток реальной исполнительной власти» (Марианна С). А вместе с тем формулировались соображения о необходимости наделить исполнительную власть «особыми полномочиями» (Валентина К., Владимир Ф.), что, в сущности, и означает применение методов «сильной руки».

Все это свидетельствует о том, что активисты ДР не считают «принципы» демократии выше потребностей реальной жизни. Они исходят из того, что переход к демократии возможен только в результате преодоления трудностей, обусловленных разрушением старых структур управления обществом и незрелостью, неготовностью новых, демократических структур. Знаменательно, что только однажды прозвучало соображение, что необходимость «сильной руки» связана с пассивностью населения, с тем, что «народ привык воспринимать власть через силу» (Валентина К.). Иначе говоря, для участников дискуссий авторитарная власть (или сильная исполнительная власть, наделенная «особыми» полномочиями) — это способ преодолеть сопротивление тех сил и обстоятельств, которые мешают демократии пустить глубокие корни в российской общественной почве. И это можно расценить как проявление силы демократического движения, готового пойти на самоограничение демократии в данный момент во имя создания для нее лучших условий.

Таким образом, понимание того, в каком направлении следует действовать демократическому движению, в принципе адекватно (правильному) представлению активистов ДР о состоянии российского общества после августа 1991 г. И это в большей или меньшей степени определяет современный потенциал движения. Но другая составляющая его потенциала — это способность важнейшей организационно-политической структуры демократического движения, каковой является «Демократическая Россия», организовать сторонников и участников движения на необходимые действия. И поэтому важно понять — готова ли ДР к такой деятельности в принципиально иных условиях? Самых участников наших дискуссий этот способ также занимал, и весьма основательно.

Они лучше, чем-либо другой, осознают и ощущают, что ДР то ли находится в кризисе, то ли близка к кризису. Но у большинства из них это не вызывает паники и пессимизма, хотя разногласия и в оценке состояния ДР, и в предположениях о ее перспективах весьма значительны.

Меньше их тревожат перемены, которые произошли в составе ДР. Характерен следующий обмен репликами об истончении того периферийного слоя ДР, который Евгений Ж. назвал слоем сторонников движения: Владимир Ф. — «Ушла популистская часть, которая могла ходить только на митинги ... расклеивала листовки ...»; Лидия А. — «Никуда она не ушла»; Татьяна Б. — «Не ушли, и слава богу». По мнению Евгения Ж., эти слои «стоят на запасном пути». Многие уверены, что движение еще «обрастет» новыми членами «на конкретное дело» (Марианна С); что неверно, будто люди «безучастны и бездеятельны, отошли от "Демократической России". Вовсе нет» (Лидия А.).

Гораздо большую озабоченность у активистов ДР вызывают слабости в организационно-политическом обеспечении движения, которые прежде, в период «бури и натиска» на КПСС, не казались и даже не были слишком существенными. Тогда они с лихвой перекрывались энтузиазмом миллионов его участников, их решимостью уничтожить партийно-государственное всевластие. Теперь же эти слабости не только обнажились, но и стали помехой движению. Одна из наиболее значительных — нехватка лидеров, пользующихся доверием и способных к решению практических дел. ДР не пришла после августа 1991 г. к власти, уверен Нодарий Х., во многом и потому, что «в ней некому приходиться к власти». О том же говорили и Юрий Р. («нам не удалось выявить и выдвигать»

нуть достаточное количество достойных лидеров. Вот это наша беда»), и Марианна С. (после ухода в профессиональную политику первой волны лидеров в ДР «осталась большая масса непрофессионалов и не желающих становиться профессионалами» в политике). К тому же и лидеры «как бы оторвались от основной массы движения» (Евгений Ж.). Оказалось, что «сейчас и газеты-то нет у "Демократической России"» (Лидия А.). Затрудняет работу и отсутствие помещений: «Нет помещения, сразу нет организации» (Александр К.).

Из таких конкретных фактов делались более или менее пессимистические выводы о состоянии ДР: «"Демократическая Россия" переживает кризис» (Лидия А.); она зашла в «тупик» (Юлия С.); городская организация в Клину «сейчас в стагнации находится. Встали, разинули рты, и не знаем, что дальше делать. А фактически дел ... полно» (Татьяна Б.). Но звучали и более оптимистические оценки: Михаил К. — то, что происходит, «это нормальное эволюционирующее движение»; Анатолий А. — нельзя сказать, что ДР находится в тупике, просто «задачи, которые стояли непосредственно, они вроде бы выполнены. А дальше просто не смотрели»; Юрий Р. — «придет опять время, опять все всколыхнется, опять появится "Демократическая Россия"». И вообще, «хорошо, что у нас "Демократическая Россия" осталась. Главное теперь, чтобы она сохранилась...» (Татьяна Б.).

Вот эта последняя реплика («лишь бы она сохранилась») и определяет основное содержание той проблемы, которая сейчас волнует активистов ДР. При этом опасность ее глубокого кризиса как организации и тем более прекращения ее деятельности большинство из них видят не в объективных условиях ее функционирования (поскольку задачи демократического переустройства России решены еще далеко не полностью), а в попытках чрезмерной политизации и партизации ДР. Причем обнаружили две тенденции такого опасного, по их мнению, развития: одна — это преобразование самой ДР в партию или организацию партийного типа, другая — перемещение центра тяжести в демократическом движении на деятельность партий демократической ориентации, равно как и переплетений этих тенденций.

Некоторые из тех активистов ДР, которые сами участвуют в деятельности таких партий, считают, что она должна стать «основой для формирования новых, нормальных ... настоящих партий» (Владимир Ф.). Но большинство, не возражая против самого существования таких партий, все же считает, что от них исходит определенная опасность: «Пусть партии действуют, лишь бы они не мешали», — говорил Юрий Р. — Но они мешают, поскольку «своими дрызгами» могут вносить «элемент личного, корыстного в наше дело». В целом же среди участников наших дискуссий преобладали настроения равнодушного нейтралитета в этом вопросе.

Опаснее большинству из них представлялась тенденция превращения самой ДР в партию. Лишь более политизированные из дискуссионщиков считают эту тенденцию нормальной. Я убежден, говорил Владимир Л., «что "Демократическая Россия" обязательно станет политической партией»; она не умирает — «она проходит трансформацию, но обязательно в политическую партию». Противоположные же позиции занимали многие. Лидия А. — «не уверена, что "Демократическая Россия" превратится в партию, не хочу этого, потому что за "Демократической Россией" идут огромные массы беспартийных людей»; Анатолий А. — «переход движения в партию, может быть, не смертельным будет для движения, но движение потеряет больше половины своих сторонников»; Александр К. — «совершенно не обязательно» чтобы ДР сконструировалась «в серьезную политическую партию» и т.д.

Опасность такого развития ДР Марианна С. видит в том, что движение «перерождается в партию для политических лидеров нашего движения». Они сформируются в партию, «и мы умрем для них». И действительно, такая

опасность вполне реальна. Она появилась в тех раздорах, которые стали разгораться в конце 1991 — начале 1992 г. среди лидеров ДР. Такая внутренняя борьба, считает Михаил К., «порождает кризис с неизбежными расколами». «Почему движение должно стать заложником многих ... амбициозных противоречий?» — говорил Владимир Л. А Юрий Р. вообще считает, что в массе людей, входящих в ДР, нет «никакой антагонистической борьбы», а в верхах «есть просто-напросто какая-то возня».

Конечно, раздоры и расколы в руководящих и координирующих структурах ДР не могут не повлиять на ее дееспособность. Они отвлекают движение от решения действительно насущных задач борьбы за ускорение в российской почве слабых ростков демократии. И все же в начале 1992 г. они еще не проникли глубоко в движение, не оказали на него деморализующего влияния. Интересны в этом отношении высказывания участников наших обсуждений. Юрий Р. — «что сказал Афанасьев и что ему ответил Пономарев ... это как раз меня мало интересует»; Татьяна Б. — «Когда кто-то рассказывал о расколе, людям совершенно не интересно было слушать эту информацию»; Марианна С. — «Движение как есть, так оно и есть, т.е. не Афанасьев определяет его дальнейшую судьбу». Следовательно, в ДР, как и во всем демократическом движении, в тот момент преобладала здоровая тенденция, противодействующая расколу и, тем самым, необратимому ослаблению сил, борющихся за демократическое обновление России. И с ней не могут не считаться лидеры движения.

В целом же можно сказать, что демократическое движение обладает пока еще большим запасом сил для того, чтобы сохраниться и играть заметную роль в процессах переустройства страны, хотя и объективная ситуация, и закономерные процессы усложнения задач и структур движения постепенно и весьма основательно трансформируют его. Это проявляется даже и в том, что слабости ДР и всего движения, прежде мало заметные и не воспринимаемые всерьез, обнажаются все больше. И их следует воспринимать как сигналы возможного уже в близком будущем изменения (ослабления?) места и роли демократического движения в общественных процессах, происходящих в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Известия. 1992. № 190. 24 авг.